

Психология для студента

ПСИХОЛОГИЯ ОБЩЕНИЯ

А.А. Леонтьев

Психология для студента

Алексей Леонтьев

Психология общения

НПФ «Смысл»

1997

Леонтьев А. А.

Психология общения / А. А. Леонтьев — НПФ «Смысл»,
1997 — (Психология для студента)

ISBN 5-7695-2065-5

Учебное пособие включает в себя основополагающую книгу "Психология общения" доктора филологических и доктора психологических наук, академика РАО А.А.Леонтьева, не утратившую своего значения со времени первого издания в 1974 г. а также ряд работ автора, тематически к нему примыкающих и раскрывающих проблемы общения на материале лекционной деятельности, искусства и массовой коммуникации. Психологам и всем, изучающим общую и социальную психологию как профильные и непрофильные предметы.

ISBN 5-7695-2065-5

© Леонтьев А. А., 1997

© НПФ «Смысл», 1997

Содержание

Предисловие ко второму изданию	6
Психология общения	8
Глава I	9
§ 1. Предмет психологии общения	9
§ 2. Общение и деятельность общения	17
Конец ознакомительного фрагмента.	27

А. А. Леонтьев

Психология общения

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Предисловие ко второму изданию

Книга “Психология общения” вышла первым изданием в издательстве Тартуского университета в 1974 году. Тираж ее был микроскопический – всего 750 экземпляров, и она моментально превратилась в раритет. Но это была первая монография на русском языке о психологии общения, и ее до сих пор помнят и цитируют.

Когда издательство “Смысл” предложило переиздать эту книгу для студентов-психологов, я как автор оказался в трудном положении. За более чем 20 лет (и каких лет!) психология, да и вся ситуация в стране вообще и в науке в частности, изменилась весьма основательно. Что же – переписывать всю книгу заново? Мы решили пойти по другому пути: воспроизвести текст 1974 года, дополнив его несколькими публикациями более позднего времени, показывающими, в каком направлении развивались взгляды автора книги, а также публикациями, дополняющими ее в содержательном плане (например, посвященными психологическим вопросам массовой коммуникации). Таким образом и сложилась книга, лежащая перед читателем.

В 1974 году в книге часто цитировались К. Маркс и Ф. Энгельс, да и вся концепция книги во многом опирается на философию марксизма. Не вижу никакого криминала в этом и сегодня. Так что изменений в этой части книги я не делал, если не считать чисто “косметической” правки – в нескольких местах я убрал естественные для начала 70-х годов обязательные слова и цитаты. Впрочем, мест таких оказалось на удивление мало. Я вычеркнул также два-три утверждения, от которых вскоре пришлось отказаться. Аналогичная косметическая операция произведена с текстами других публикаций.

Многие “герои” книги, бывшие тогда студентами и аспирантами, сейчас широко известны как крупнейшие специалисты. Б.Х. Бгажноков стал этнографом, доктором исторических наук и специалистом по адыгской культуре, В.С. Собкин вырос в члена-корреспондента Российской академии образования, В.К. Вилюнас – профессор факультета психологии МГУ, Ян Вальсинер уехал в Швецию и известен сейчас как крупнейший психолог и автор неплохой книги о Л.С. Выготском.

“Психология общения” трижды выходила в Германии в двух различных переводах.

Статья “Деятельность и общение” была написана по заказу редакции журнала “Вопросы философии” как первое из выступлений в задуманной редакцией дискуссии (которую позже кто-то из психологов назвал “последней дискуссией в советской психологии”). Ожидалось, что Б.Ф. Ломов сразу же ответит. Он, однако, тянул более полугода и ответил только в номере восьмом за 1979 год (моя статья вышла в первом номере), причем довольно вяло, так что дискуссия закончилась, не успев начаться. Статья была опубликована также на японском языке.

Раздел, названный здесь “Лекционное общение”, – это отрывок из брошюры “Лекция как общение”, рассчитанной на лекторов и выпущенной обществом “Знание” РСФСР в том же 1974 году, что и “Психология общения”.

“Общение в массовой коммуникации” – раздел из коллективной монографии “Психолингвистические проблемы массовой коммуникации” (М., 1974). Первый параграф этого раздела – незначительно отредактированная статья “К психологии речевого воздействия”, впервые опубликованная в сборнике “Материалы IV Всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации” (М., 1972). Эта статья была переведена на английский, немецкий и чешский языки.

Под названием “Искусство как общение” перепечатывается статья “Поэтический язык как способ общения искусством” (Вопросы литературы. 1973. № 6; статья была переведена на немецкий язык). Работа “Психологический подход к анализу искусства” опубликована в сборнике Педагогического общества РСФСР “Эмоциональное воздействие массовой коммуникации: педагогические проблемы” в 1978 году. Наконец, статья “Телевизионное искусство

глазами психолога” вышла в сборнике “Телевидение вчера, сегодня, завтра” (Вып. 4. М.: Искусство, 1984).

Публикуемые здесь статьи имеют отдельные “пересечения” друг с другом и с книгой “Психология общения”. Сначала я пытался от таких повторений избавиться, но это повело к нарушению композиции статей, и в конце концов я решил, что если студент прочитает важную для автора мысль несколько раз в разных контекстах, ничего страшного не произойдет.

... А теперь автор отступает и оставляет читателя наедине со своей книгой. Пусть дальше говорит она.

Психология общения

От автора

Учебное пособие, предлагаемое вниманию читателя, представляет собой курс лекций, прочитанных осенью 1973 года студентам и преподавателям Тартуского государственного университета.

В нем широко использованы более ранние публикации автора, а также материал спецкурсов “Психолингвистика” и “Психологические проблемы общения в больших системах”, прочитанных на психологическом факультете МГУ в 1968–1973 годах, лекций и циклов лекций, прочитанных в те же годы в Университете марксизма-ленинизма АОН при ЦК КПСС, в ЛГПИ им. А.И. Герцена, Институте повышения квалификации АПН СССР, в различных вузах и научных учреждениях Москвы, Минска, Таллинна, Казани, Запорожья, Ташкента, Алма-Аты. Материал, вошедший в курс и затем в книгу, обсуждался на Всесоюзном симпозиуме по общению (Ленинград, 1973), конференции “Мышление и общение” (Алма-Ата, 1973), методологическом семинаре по социальной психологии Института психологии АН СССР, на международных конгрессах по психологии (Лондон, 1969) и антропологии и этнографии (Чикаго, 1973).

Проведенный в настоящей работе анализ не является чисто теоретическим, но опирается на обширный конкретный, в частности, экспериментальный материал, частично полученный в ходе специальных исследований, осуществленных в последние несколько лет под руководством или при участии автора. Самому автору представляется особенно важным указать на то, что он в значительной мере опирался также и на практический опыт прикладных областей психологии общения, охарактеризованных далее; а практика, как известно, есть главный критерий истины.

Задача, стоявшая при написании пособия, была крайне непростой, так как до сих пор на русском языке, насколько нам известно, аналогичных работ не существовало. Это, однако, не служит извинением недостаткам пособия. За указание на них автор будет признателен всем читателям. Один из таких недостатков очевиден уже сейчас – это, несмотря на широко очерченный предмет психологии общения (см. главу I, § 1), известная узость рассматриваемых в книге проблем, бесспорно, не исчерпывающих содержание анализируемой в ней научной области. Именно здесь автор особенно нуждается в советах и указаниях специалистов по психологии общения.

Автор считает своим приятным долгом принести благодарность всем своим российским и зарубежным коллегам и ученикам, в общении (лично и социально ориентированном) с которыми формировались отдельные стороны концепции, изложенной в данной книге, прежде всего – сотрудникам и аспирантам Группы психолингвистики и теории коммуникации Института языкознания АН СССР и моим тартуским друзьям, особенно Х. Миккину и Я. Вальсинеру. Им я обязан и возможностью ознакомиться с некоторыми работами по проксемике и “социальной технике” общения.

И совершенно особую благодарность автор выражает А.Н. Леонтьеву, к чьей школе он причисляет себя и чьи идеи еще более 12 лет назад дали ему первый толчок к занятиям психологией общения.

Глава I

Деятельность общения как объект научного исследования

§ 1. Предмет психологии общения

Нет ни малейшего сомнения в той огромной роли, которую играет общение (как бы мы его ни определяли) в жизни и деятельности общества. Уже сам процесс социализации человеческой личности, процесс становления отдельного человека как “общественного человека” (Маркс), невозможен без общения; если его роль в этом процессе в нормальных условиях несколько замаскирована, то, скажем, при обучении слепоглухонемых она выступает с особенной ясностью¹. Однако общение есть в то же время и необходимое условие любой деятельности человека, имеющей общественную природу – а поскольку мы в соответствии с традицией советской психологии говорим о деятельности лишь тогда, когда эта деятельность социальна по существу, если не по внешним формам ее осуществления, можно утверждать вслед за ленинградским исследователем В.Н. Панферовым, что “любая человеческая деятельность невозможна вне общения”². Особенно ясно выступают эти функции общения в коллективной трудовой деятельности. Отдельную проблему, приобретающую все большую и большую остроту, составляет роль общения в коллективном познании, – то, что в работах логиков и философов нередко неточно именуется проблемой “языка науки”. Наконец, следует указать и на место процессов общения в диалектике взаимоотношений общественного и индивидуального сознания, *в психологическом воздействии* общества на его членов, – это особенно существенно в связи с лавинообразным увеличением значимости массовой коммуникации в жизни современного человека.

Так или иначе, но по существу невозможно исследовать развитие и функционирование человеческого общества, развитие и функционирование человеческой личности (не говоря уже о взаимоотношениях личности и общества), не обращаясь к понятию общения, не интерпретируя это понятие тем или иным образом и не анализируя его конкретных форм и функций в тех или иных социальных и исторических условиях. Тем более парадоксально, что понятие общения до сих пор почти не было предметом серьезного монографического рассмотрения, по крайней мере в советской (да и вообще в марксистской), научной литературе. Впрочем, и в зарубежной немарксистской науке пока не существует по-настоящему глубоких и серьезных исследований процессов общения. С этой точки зрения чрезвычайно характерна широко известная монография Ли Тайера³, где с достойной удивления скрупулезностью описываются и анализируются различные более или менее частные проблемы, связанные со структурой процессов и с функциями общения в современном американском обществе, и реферируется громадное число публикаций, однако автор принципиально отказывается не только от методологического анализа сущности общения, но даже и от самой дефиниции общения. А эта книга принадлежит к числу лучших.

¹ *Мещераков А.И.* Развитие средств общения у слепоглухонемых детей//Вопросы философии. 1971. № 8; *Он же.* Слепоглухонемые дети: Автореф. дис... докт. психол. наук. М., 1971.

² *Панферов В.Н.* Психология общения//Вопросы философии. 1971. № 7. С. 126.

³ *Thayer L.* Communication and Communication Systems in Organization//Management and Interpersonal Relations. Homewood (Ill.), 1968.

Еще менее благополучно обстоит дело с исследованием общения, если мы будем ограничиваться *психологической* его проблематикой. Книги и статьи на эту тему, как правило, либо не касаются собственно психологических вопросов, ограничиваясь самыми общими тезисами и не развивая их на конкретном материале⁴, либо игнорируют *общение* как таковое, подменяя исследование психологии общения анализом психологии отношений, процессов социального управления или социометрическим анализом малых групп. Характерным примером является состоявшийся в Ленинграде в конце 1970 года. Всесоюзный симпозиум по психологии общения. Насколько можно судить по опубликованным материалам⁵, именно психология общения и не была на нем представлена, если не считать трех-четырёх докладов общего характера (В.Н. Мясищев, Б.Д. Парыгин, В.Н. Куницына). Иными словами, почти не были поставлены психологические проблемы, связанные со спецификой самих процессов общения, с различным местом этих процессов в общей системе психологической деятельности человека, с психологическими факторами, определяющими их формальную и функциональную дифференциацию в различных условиях и т. д. Правда, второй аналогичный симпозиум, состоявшийся в 1973 году, носил уже принципиально иной характер.

По-видимому, целесообразно в этой связи с самого начала представить предмет психологии общения, как он понимается нами, с тем, чтобы полнее вскрыть значимость этой проблематики для общей психологии.

“Общение составляет как бы внутренний механизм жизни коллектива (или социальной группы)”⁶. Не *передача* информации, а *взаимодействие* с другими людьми как *внутренний механизм* жизни коллектива. Не *передача информации*, а именно обмен (выражение Маркса!) идеями, интересами и т. п. и формирование установок, усвоение общественно-исторического опыта⁷. Не изучение *использования* общения в деятельности социальной группы (это предмет отнюдь не психологии общения, а социологии!), а исследование самого общения в его становлении и динамике, его механизмов и средств как части *деятельности общения*. И наконец, что особенно важно, – анализ взаимоотношений общения *с другими видами деятельности человека*, прежде всего с практической и познавательной деятельностью, – все это и образует собственный предмет психологии общения.

Итак, психология общения – это раздел общей психологии, предметом которого является психологическая специфика процессов общения, рассматриваемых под углом зрения взаимоотношений личности и общества. Говоря здесь о психологической специфике, мы имеем в виду, что процессы общения в принципе могут быть рассмотрены не только под психологическим, но и под иными углами зрения – социологическим, лингвистическим и т. п. Ограничивая предмет психологии общения, мы можем выделить (вслед за Б.Ф. Ломовым) следующие основные проблемы, ее интересующие (хотя рискуем не исчерпать этим ее проблематику!): а) психологические функции общения; б) формирование и функционирование механизмов и средств общения в их зависимости от функций общения, от особенностей личности и от других психологических факторов; в) взаимоотношение общения с другими аспектами психической жизни человека и с особенностями личности⁸.

⁴ Parry J. The Psychology of Communication. N.Y., 1967.

⁵ Куницына В.Н., Алемаскин М.А. Всесоюзный симпозиум по психологии общения//Вопросы психологии. 1971. № 3; Социально-психологические и лингвистические характеристики форм общения и развития контактов между людьми//Тез. Всесоюзн. симпозиума. Л., 1970.

⁶ Ломов Б.Ф. Состояние и перспективы развития психологии в СССР в свете решений XXIV съезда КПСС//Вопросы психологии. 1971. № 5. С. 18.

⁷ Буева Л. П. Социальная среда и сознание личности. М., 1968. С. 112; Ковалев А.Г. Взаимовлияние людей в процессе общения и формирования общественной психологии//Ученые записки ЛГПИ им. А.И. Герцена. Т. 254. С. 8–9.

⁸ Ради исторической справедливости необходимо указать, что первым, кто сформулировал в советской психологии такую концепцию предмета психологии общения, является А.А.Брудный.

В последние десятилетия возник (или по крайней мере приобрел общественную значимость) целый ряд практических областей, остро нуждающихся в теоретической разработке именно так понимаемой психологии общения и прежде всего – общения речевого. Сюда относятся, например, оптимизация деятельности средств массовой информации и пропаганды: радио, телевидения и т. д. Эта область сейчас интенсивно развивается, и неразработанность общих проблем психологии общения начинает остро ощущаться в ней⁹. Другой важной областью, значение которой лишь сравнительно недавно стало оцениваться по достоинству, является реклама, прежде всего – экспортная реклама; можно сказать, что здесь психология общения получает не только идеологический, но и экономический “выход”. С общей тенденцией к совершенствованию и последовательному научному обоснованию процессов социального управления связан растущий интерес к психологии публичного выступления (“ораторской речи”). Это совершенно новая для нашей психологической науки область представлена в настоящее время лишь единичными работами, чаще всего не исследовательского, а рекомендательно-методического характера. Целый ряд прикладных задач возник в связи с необходимостью практического учета взаимоотношений общения и особенностей личности и активного управления этими взаимоотношениями со стороны общества; чтобы не перечислять все проблемы этого рода, ограничимся лишь одной из них – проблемой использования общения как важнейшего источника информации об особенностях личности и об эмоциональном состоянии говорящего, которая одновременно возникла в таких различных сферах, как судебная, военная и космическая психология. Можно указать также на рост интереса к проблематике общения в медицине, в частности в психиатрии; на проблемы этого рода, возникающие в методике и практике обучения русских иностранному языку и иностранцев – русскому (в последнем случае мы имеем даже специальную научную область в рамках методики обучения, не вполне точно называемую страноведением и в значительной мере охватывающую именно различные аспекты общения в условиях обучения языку)¹⁰. Одним словом, потребность в разработке теоретических проблем психологии общения ощущается достаточно остро.

“Язык есть важнейшее средство человеческого общения”¹¹. Уже поэтому в центре наших исследований общения должно, несомненно, стоять *речевое* общение. С другой стороны, именно проблемы, связанные с речью, приобрели сейчас особую практическую значимость, как это видно хотя бы из сказанного выше. И наконец, речевое общение бесспорно является не только наиболее сложной и наиболее совершенной формой общения, но и формой наиболее специализированной (см. ниже); это позволяет рассматривать речь (речевое общение) как такую форму общения, где общие психологические закономерности процессов общения выступают в наиболее характерном, наиболее обнаженном и наиболее доступном исследованию виде. Именно поэтому в качестве основного предмета анализа в настоящей работе выбрано именно речевое общение.

До самого последнего времени оно не было предметом специального исследования в психологии. Конечно, психология речи имеет за собой не менее чем столетнюю традицию. Однако речь рассматривалась психологами в предшествующие десятилетия крайне ограниченно и односторонне. Такое рассмотрение в подавляющем большинстве случаев сводилось к одной из двух трактовок. Либо речь рассматривалась как механическое внешнее проявление (актуализация) психических функций, процессов и свойств, лежащих, образно говоря, “за” речью; такое понимание ясно прослеживается, например, у В. Вундта, прямо писавшего: “язык... так же выражает внутреннюю жизнь, как пантомима, но выражает ее гораздо полнее

⁹ Шерковин Ю.А. Психологические проблемы массовых информационных процессов. М., 1973.

¹⁰ Верецагин Е.М., Костомаров В.Г. Страноведческий аспект преподавания русского языка иностранцам (к постановке вопроса)//Русский язык за рубежом. 1971. № 1; Язык и культура. М., 1973.

¹¹ Ленин В.И. Полн. собр. сочинений. Т. 5. С. 259.

последней, и... сверх того менее ограничивается индивидуальной сферой, но тотчас переходит в совокупность индивидуумов, ее предполагая и на нее действуя”¹². Либо речь трактуется как самостоятельная психическая активность индивида, замкнутая в своей мотивационной, целевой и содержательной сфере. Такое понимание (не исключающее, впрочем, первого) может предполагать, конечно, очень различную интерпретацию самой природы этой психической активности – от определения языка у Э. Вейса как “формы поведения, благодаря которой индивидуум приспосабливается к социальной среде”¹³, определения, дальше которого в сущности так и не ушел американский бихевиоризм, несмотря на все попытки модернизировать свою позицию и привести ее в соответствие с современным уровнем конкретно-психологических и конкретно-лингвистических исследований речи, – до теории “речевого поступка” В.А. Артемова.

Первым принципиально важным шагом в направлении создания психологии речевого общения как части психологии общения и тем самым как относительно самостоятельной части общей психологии было появление в 50-х годах так называемой “психолингвистики”. Эта междисциплинарная область с самого начала поставила перед собой задачу раскрытия внутренней психологической организации речи. В число проблем, которыми она занимается, входят, в частности: система уровней психофизиологической организации речевой способности; оперативные единицы речеобразования и восприятия речи; номенклатура, взаимосвязь и взаимозависимость отдельных операций в процессах порождения и восприятия речи и многое другое¹⁴. В короткий срок (10–12 лет) психолингвистика не только сформировалась как довольно мощное направление в США, где она впервые возникла, но и распространилась практически по всему миру (сейчас серьезные исследования в этой области опубликованы в Канаде, Англии, Норвегии, Голландии, ФРГ, ГДР, Польше, Чехословакии, Венгрии, Румынии, Болгарии, Италии, Франции, Индии, Японии, Австралии, Израиле). Несомненно, большую роль в этом распространении сыграли практические потребности; не случайно основная часть экспериментальных психолингвистических исследований в США, как явствует из публикаций, финансируется различными фондами и организациями отнюдь не благотворительного характера.

С начала 60-х годов психолингвистика распространилась и в СССР. Совершенно естественно, что здесь она развивалась в соответствии с отечественной психологической традицией; общеизвестно, что как раз в советской психологии исследование речи с самого начала привлекало пристальное внимание и интерес крупнейших ученых: Л.С. Выготского, С.Л. Рубинштейна, Д.Н. Узнадзе. Несмотря на все различия во взглядах этих трех замечательных советских психологов и психологических направлений, которым они положили начало (в частности, в их взглядах на речь), их объединяет общее для советской психологии *понимание речи как органического звена* в системе деятельности человека. Поэтому психолингвистика в СССР развивалась в основном как часть более общей психологической теории деятельности, а речь с самого начала понималась как “речевое действие”, подчиненное задачам, функциям и структуре обслуживаемой ею неречевой деятельности.

Однако рамки психолингвистики – даже если понимать ее расширительно, как это делается в советской психологической науке – не могут исчерпать теоретической проблематики

¹² *Vynidt V.B.* Душа человека и животных. СПб., 1868. Т.1. С. 52. Ср. (через сто лет!) определение речи Ф. Кайнцем как “... психофизической деятельности, ставящей ряд телесных органов центрального и периферийного характера на службу целям облечения в звуковую форму духовно-мыслительных концептов” (*Kainz F.* Zum Aufbau der Sprache//Beitrage zur Einheit von Bildung und Sprache im geistigen Sein. Festschrift zum 80. Geburtstag von E. Otto. Berlin, 1957. S. 330).

¹³ *Weiss A.P.* Linguistics and Psychology//Language. 1925. Vol. 1, № 2. P. 52.

¹⁴ Сошлемся здесь на некоторые ранее опубликованные наши работы, из которых можно почерпнуть дальнейшую информацию о психолингвистике: Психолингвистика. Л., 1967; Язык, речь, речевая деятельность. М., 1969; Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. М., 1969. См. также: Теоретические проблемы психолингвистического моделирования речевой деятельности: Дис... д-ра филологических наук. М., 1968.

речевого общения. Психоллингвистика *принципиально* ориентирована на исследование того звена речевого общения, тех факторов этого общения, которые носят индивидуальный и в то же время универсальный характер. Иначе говоря, она интересуется структурной организацией и закономерностями функционирования функциональных систем, обеспечивающих осуществление речи и речевого восприятия (или, как принято говорить в советской психоллингвистике, структурой языковой способности человека). Однако в ее теоретической системе не находится места ни для учета социальных функций общения, его природы и места в общей системе деятельности общества (и индивида как члена этого общества): в этом смысле она слишком индивидуальна; ни для учета личностных особенностей – в этом смысле она слишком универсальна. Это сознают и многие представители самой психоллингвистики. Существенно, однако, указать, что концептуальная система психоллингвистики является открытой в одних ее направлениях, что создает возможность расширять и углублять ее проблематику, не производя коренной “ломки” уже сделанного (так обстоит дело, в частности, в советской психоллингвистике); в то же время в других ее направлениях эта концептуальная система закрыта, она в принципе не допускает коренного пересмотра. Так происходит, в частности, в “трансформационалистском” направлении в психоллингвистике США, возглавляемом Н. Хомским и Дж. Миллером.

Так или иначе, перед нами встает задача развить то, чем располагает ныне советская психоллингвистика, в сторону учета социальных, с одной стороны, и личностных, с другой стороны, факторов речевого общения. Естественно, что сделать это можно по-разному, – сама социальность, как известно, может пониматься весьма различно. И здесь особенно важным представляется не ограничивать понимание социальности языковых явлений, прочно утвердившееся в науке о языке еще со времен Ф. де Соссюра (т. е. Э. Дюркгейма, взгляды которого де Соссюр излагал в этой части своего “Курса общей лингвистики”) и определяющее ныне большинство направлений в так называемой “социоллингвистике” – именно, пониманием, сводящим социальное начало в речевой деятельности к разного рода *социальным взаимоотношениям* говорящих индивидов, каждый из которых берется как *внесоциальная* реальность. Подобное понимание подверг правильной и обоснованной критике известный лингвист Р.А. Будагов¹⁵. Конечно, не это главное: следуя известной мысли Маркса, мы должны искать социальное начало прежде всего не *вне*, а *внутри* личности говорящего человека, понимать самую *психологию* общения как социальную – не по названию, а по существу. Такой подход традиционен для советской психологии и вообще свойственен марксистской психологической науке.

Важнейшая задача психологии общения в нашей стране – последовательно интерпретировать общение, и прежде всего речевое общение, под углом зрения психологической теории, уделив особое внимание тому аспекту, который в большинстве зарубежных направлений исследования речи игнорируется – *взаимоотношениям личности и общества через посредство речи*.

Думается, что уже само понятие общения нуждается если не в пересмотре, то по крайней мере в основательном анализе. Не секрет, что подавляющая часть имеющихся в научной литературе определений общения или коммуникации сводится исключительно к идее передачи чего-то от кого-то кому-то, к идее обмена (языковыми высказываниями, знаниями, информацией и т. д.). Иными словами, общение трактуется почти исключительно как *интериндивидуальный* процесс. Автор популярной за рубежом (и уже цитированной нами выше в другой связи) книги по психологии общения Джон Парри прямо считает, что “осуществлять коммуникацию значит передавать сообщение”¹⁶. “Социальная психология” Т. Ньюкома и его соавторов, говоря об “отношении, в котором находится информация, которой располагают лица,

¹⁵ Будагов Р. А. История слов в истории общества. М., 1971. С. 63. Ср.: Watzlawick P., Beavin J., Jackson D. Pragmatics of Human Communication. N.Y., 1967, где авторы особо подчеркивают неправильность рассмотрения общающихся индивидов как “искусственно изолированных монад”.

¹⁶ Parry J. The Psychology of Human Communication. N.Y., 1967. P. 9.

участвующие во взаимодействии”, определяет коммуникацию как “процесс, в ходе которого это отношение изменяется”¹⁷, т. е. происходит передача информации от одного лица к другому. И так далее. В статье ленинградского социального психолога В.Н. Панферова, содержащей множество интересных соображений и ряд принципиально новых для нашей психологии теоретических положений, общение, к сожалению, определяется почти подобным же образом: “Общение есть взаимодействие людей, содержанием которого является взаимное познание и обмен информацией с помощью различных средств коммуникаций в целях установления взаимоотношений, *благоприятных* для процесса совместной деятельности”¹⁸ (курсив наш. – А.Л.).

Совершенно не случайно, что автор в двух местах своей статьи определяет общение как своего рода “социальную экологию”: действительно, для него общение есть в первую очередь процесс взаимного приспособления субъекта общения и деятельности и социальной среды, в которой он действует и общается.

В большинстве подобных случаев мы имеем дело с пониманием коммуникации скорее как *сообщения* (Mitteilung), чем как собственно *общения* (Verkehr)¹⁹. Возможно, однако, и более глубокое понимание коммуникации именно как общения *sensu stricto*. Такой подход предполагает прежде всего ясное осознание того факта, что коммуникация (общение) есть не столько процесс *внешнего взаимодействия изолированных личностей*, сколько способ *внутренней организации и внутренней эволюции общества как целого*, процесс, при помощи которого только и может осуществляться развитие общества – ибо это развитие предполагает постоянное динамическое взаимодействие общества и личности. Общество воспроизводит себя в человеке и производит человека, чтобы творить человеческий мир, порождать “овеществленную силу знания” (Маркс), обогащать социально-исторический опыт и, опираясь на него, делать очередной шаг вперед – точно так же, как человек воспроизводит и производит общество в своей продуктивной деятельности и в своем общении; оба они – общество и личность – только в этом двустороннем процессе и способны развиваться.

Преимущество такого подхода с особенной ясностью выступает при анализе проблем глоттогенеза (возникновения и первоначального развития речи). Именно здесь особенно важен социальный подход²⁰. Между тем господствующие воззрения трактуют развитие языка и форм общения на ранних этапах антропогенеза прежде всего как эволюцию способности индивида к общению и развитие умения отдельных членов первобытного человеческого коллектива “перекинуть мостик” от одной личности к другой. Как субъект глоттогенеза (антропогенеза вообще) в этом случае выступает не общество, а индивид как носитель определенных психологических, физиологических, анатомических характеристик; общество же оказывается продуктом взаимодействия индивидов и только. С внечеловеческой, природной действительностью для рассуждающих так ученых взаимодействует именно индивид как биологическое существо, а не общество.

Такое, – к сожалению, очень распространенное, – представление отразилось даже в русском переводе “Роли труда” Ф. Энгельса, в том его месте, где говорится, что у формирующихся людей возникла потребность что-то сказать друг другу. Ведь когда мы употребляем термин “потребность”, то имеем в виду прежде всего естественную потребность типа голода или жажды, имеющую биологический характер и совершенно не обязательно детерминированную социально. У Энгельса сказано иначе, чем в русском переводе, и его мысль глубже. Она выражена так: “...die werdenden Menschen kamen dahin, *dab* sie einander *etwas zu sagen hatten*”²¹

¹⁷ Цит. по польскому переводу: *Newcomb Th. M., Turner P.H., Converse Ph.E. Psychologia społeczna. Warszawa, 1970. S. 173.* Конечно, сказанное не относится ко всем зарубежным работам.

¹⁸ *Панферов В.Н. Психология общения//Вопросы философии. 1971. № 7. С. 126.*

¹⁹ Эта мысль заимствована нами у Б.Ф. Поршнева.

²⁰ *Леонтьев А.А. Проблемы глоттогенеза в современной науке//Энгельс и языкознание. М., 1972.*

²¹ *Engels F. Anteil der Arbeit an der Menschwerdung des Affen. Berlin, 1957. S. 8.*

(курсив наш. – А.Л.). Это буквально означает: они “...пришли к тому, что у них появилось что сказать друг другу”. Иными словами, Энгельс имеет в виду *содержание* общения, а не сам факт общения: общение оказывается детерминированным социалью со стороны своего содержания. Слово же “потребность” (*das Bedürfnis*) появляется у него лишь в следующей фразе, где нужно было противопоставить “потребность” – “органу”. Кстати, из всего контекста статьи видно, что это – метафора: потребность сама по себе не может создать органа – его создает деятельность (как это произошло с рукой)²². Так или иначе, но нельзя ставить проблему глоттогенеза, не рассматривая функций коммуникации в первобытном обществе.

Эта мысль четко выражена Марксом и Энгельсом в “Немецкой идеологии”, где указывается, что, с одной стороны, “ограниченное отношение людей к природе обуславливает их ограниченное отношение друг к другу, а их ограниченное отношение друг к другу – их ограниченное отношение к природе”; с другой же стороны, “подобно сознанию, язык возникает лишь... из настоятельной необходимости общения с другими людьми. Сознание, следовательно, уже с самого начала есть общественный продукт”²³. Таким образом, налицо единство трех сторон: специфики деятельности (отношение к природе), специфики общения (отношение друг к другу) и специфики сознания. Конечно, доминирует здесь развитие системы отношений к природе, взаимодействия человека с внечеловеческой действительностью, прежде всего в форме трудовой деятельности. Развитие труда ведет за собой развитие взаимоотношений в трудовом коллективе, а оба этих процесса непосредственно обуславливают появление новой формы психического отражения действительности формирующимся человеком – сознания и языка как общественно отработанной системы, конституирующей человеческое сознание.

Само собою разумеется, однако, что, раз возникнув, оба этих феномена – принципиально новые отношения между трудящимися индивидами, давшие начало *обществу*, и принципиально новая форма психического отражения действительности, которую мы привыкли называть *сознанием*, – оказывали революционизирующее влияние и на взаимодействие человека с природой, с внечеловеческой действительностью. Поэтому-то особенно важно фиксировать триединый характер описываемого процесса, подчеркнув, что развитие языковой способности человека – глоттогенез – связан с развитием форм и способов общения. Эту сторону вопроса удачно охарактеризовал А.Г. Спиркин, сказав, что “язык опосредствует связь индивида с природой через связь с коллективом”²⁴. Вспомним в этой связи, что “люди, вступая в общение, вступают в него как сознательные существа”²⁵.

Так или иначе, но не подлежит никакому сомнению, что изучать общение, в том числе (и особенно!) процессы формирования общения можно, только имея определенное представление о социальной структуре и социальной психологии общества, в частности – первобытного трудового коллектива. Общение, коммуникация есть не только и не столько взаимодействие людей в обществе, сколько – прежде всего! – взаимодействие людей *как членов* общества. Применительно к первобытному коллективу можно сформулировать это так: речь – это не столько общение *во время* труда, сколько общение *для* труда. Права Л.П. Буева, когда указывает, что главный “методологический просчет... заключается в том, что процесс общения рассматривается вне всякой связи с характером общественных отношений, в отрыве от качественного социального содержания форм общения”²⁶.

²² Для того, как понимал Энгельс антропогенез, важна и еще одна особенность текста, потерянная в переводе: *die werdenden Menschen* – это не столько “формирующиеся”, сколько “становящиеся” в философском смысле люди. А значит, для Энгельса они – на рассматриваемой им ступени – *еще не люди*.

²³ Новая публикация первой главы “Немецкой идеологии” К. Маркса и Ф. Энгельса // Вопросы философии. 1965. № 10. С. 93.

²⁴ Спиркин А.Г. Происхождение сознания. М., 1960. С. 189.

²⁵ Ленин В.И. Полн. собр. сочинений. Т. 18. С. 343.

²⁶ Буева Л.П. Социальная среда и сознание личности. М., 1968. С. 113–114.

В связи со сказанным представляется принципиально важным указать на одно место в “Философских тетрадах” В.И. Ленина, до сих пор не привлекавшее к себе внимания психологов, опять-таки благодаря неточности перевода. Делая выписки из “Лекций по философии истории” Гегеля (естественно, на языке оригинала), В.И. Ленин выписал в свою тетрадь формулировку Гегеля, звучащую в переводе следующим образом: “*Речи... суть действия, происходящие между людьми*”²⁷ (курсив наш. – А.Л.). Уже здесь обращает на себя внимание трактовка речевого общения как системы речевых *действий*, речевых *поступков* (Handlungen). Однако если мы обратимся к оригиналу Гегеля, то поймем, почему эта мысль привлекла внимание В.И. Ленина: “Reden sind Handlungen *unter Menschen*”²⁸ (курсив наш. – А.Л.). Смысл этой фразы иной, чем в переводе. “Речи” здесь не действия *между* людьми, это не межличностное общение; это действия, происходящие “среди” людей, *в среде людей*, в коллективе людей.

Охарактеризованный выше подход к общению положен в основу психологической концепции, изложенной в дальнейшем тексте работы и в особенности во второй ее главе.

Анализ вопросов психологии речевого общения требует обращения к ряду теоретических проблем, не носящих узко психологического характера, но органически входящих в психологическую проблематику, анализируемую нами в настоящей работе. Многие из этих проблем пока не получили в советской науке общепринятого освещения и удовлетворительного разрешения. В их числе: знак и деятельность; знак и общение; взаимосвязь врожденного и приобретенного в формировании общения; иерархия форм общения; общение как процесс и специализированная деятельность общения и т. п. Мы вынуждены были обратиться к более или менее детальному анализу и этих проблем.

²⁷ Ленин В.И. Полн. собр. сочинений. Т. 29. С. 281. Ср.: Гегель Г.В.Ф. Собр. сочинений. Т. VIII. С. 4.

²⁸ Hegel G.W.F. Werke. B., 1840. Bd. IX. S. 55.

§ 2. Общение и деятельность общения

В современной науке об общении существует столь огромное количество несовпадающих определений общения (коммуникации), что вопрос о дефиниции этого понятия становится, можно сказать, самостоятельной научной проблемой. Известный американский теоретик общения Фрэнк Дэнс попытался систематизировать такие определения²⁹: в результате были выявлены три основных “переменных”, три признака, по которым наблюдается основное *понятийное* расхождение между разными авторами: это 1) уровень анализа, 2) наличие или отсутствие интенции со стороны коммуникатора, 3) наличие нормативной оценки акта общения (“хорошее – плохое” или “успешное – неуспешное” общение)³⁰.

Если попытаться определить нашу позицию в вопросе об общении в этих координатах, мы прежде всего должны подчеркнуть, что *общение является для нас одним из видов деятельности*³¹. Это не означает, что общение во всех случаях выступает как самостоятельная деятельность (см. ниже); важно, что оно может быть таковой, хотя может выступать и как компонент, составная часть (и одновременно условие) другой, некоммуникативной деятельности. И если понимать общение как деятельность, то очевидно, что для нас аксиомой являются, во-первых, его интенциональность (наличие специфической *цели*, самостоятельной или подчиненной другим целям; наличие специфического *мотива*); во-вторых, его результативность – мера совпадения достигнутого результата с намеченной целью; в-третьих, нормативность, выражающаяся прежде всего в факте обязательного *социального контроля* за протеканием и результатами акта общения, – вопрос, частично затронутый нами в тексте работы, но не получивший в ней детального рассмотрения.

Что касается уровня анализа в трактовке общения, то, чтобы определить позицию психологии общения в этом вопросе, нам придется сразу ввести ряд категорий, в системе которых общение должно найти надлежащее место. Эти категории суть: 1) деятельность, 2) взаимодействие (интеракция), 3) общение, 4) взаимоотношение, 5) общественное отношение.

Когда мы говорим о деятельности как социальном феномене, о социальной деятельности, то при этом нас интересует и существенна для нас прежде всего ее направленность на объект (продукт, результат), ее объективное содержание. Например, когда идет речь о коллективной трудовой деятельности (далее мы будем рассматривать именно этот случай), нас интересует процесс труда, объект (результат) трудовой деятельности, наконец, субъект или субъекты труда как носители соответствующих способностей, навыков, умений, как личности, в сознании которых тем или иным образом отражены (и определяют их деятельность, причем не только непосредственно трудовую!) производственные и надстраивающиеся над ними иные общественные отношения, характерные для данного социально-экономического уклада, для данного этапа развития общества. Производственный коллектив занимает нас здесь именно как *производственный*, разделение труда – как разделение *труда* и т. д.

Можно, однако, подойти к коллективной производственной деятельности и под несколько иным углом зрения, рассматривая, какая организация трудового коллектива обеспечивает результативность совместного труда (в частности, эффективное распределение трудовых обязанностей). При этом мы столкнемся с тем фактом, что существуют определенные

²⁹ Ему удалось насчитать 96, причем он, по-видимому, учитывал лишь работы на английском языке и лишь вышедшие до 1969 г. См.: *Dance F.E.X. The “Concept” of Communication//Journal of Communication. 1970. Vol. 20, № 2.*

³⁰ Там же. С. 208.

³¹ Воспользуемся случаем, чтобы обратить внимание читателя на одну терминологическую тонкость: мы всюду говорим об общении, а не о коммуникации, чтобы не вносить в свое изложение все те нежелательные коннотации, которые связаны в современной науке с этим последним термином (теория коммуникации = теория связи = теория передачи информации по каналу связи).

типы такой организации, которые эффективны независимо от конкретного содержания деятельности. Этот факт и является основой для выделения самостоятельной категории взаимодействия. Производственный коллектив поворачивается здесь к нам, так сказать, своей “коллективной” стороной.

Но можно идти в том же направлении и дальше, занимаясь не тем в организации совместной деятельности, что обеспечивает ее потенциальную эффективность, а тем, *какими способами достигается* эта оптимальная организация, какие процессы, происходящие в производственном коллективе, приводят к формированию такой организации, обеспечивают ее поддержание и являются каналом, через который не непосредственно производственные факторы влияют на ее изменение. Это и будет подход с точки зрения *общения*.

Таким образом, взаимодействие (интеракция) опосредованно общением. Благодаря общению люди могут вступать во взаимодействие. Иначе, взаимодействие, интеракция – это коллективная деятельность, которая рассматривается нами не со стороны содержания или продукта, а в плане социальной ее организации. Что касается общения, то это один из факторов интеракции или, если быть более точным, – совокупность таких факторов (ср. психический и социальный контакт у Я. Щепаньского³², телесный и информационный контакт у М. Аргайла³³ и т. д.). Эти факторы “становятся коммуникативными, когда они используются в ситуациях взаимодействия”³⁴.

Но для правильной квалификации общения совершенно необходимо четко представлять себе и действительное соотношение понятий отношения, общения и деятельности. Мы постараемся показать в дальнейшем, что общение может быть трактовано как реализация или актуализация общественного отношения (причем в двух аспектах: как процесс такой актуализации и как ее условие или способ). Что касается деятельности, то она является тем, в чем актуализуется общественное отношение, психологическим содержанием процесса общения; в этом и только в этом смысле можно разграничивать общение и взаимодействие (интеракцию): еще раз подчеркнем, что это последнее есть деятельность, рассматриваемая как взаимодействие, т. е. деятельность, рассматриваемая в аспекте “внешних” социальных форм ее осуществления³⁵. С другой стороны, следует, на наш взгляд, разграничивать понятие *общественного отношения* и его “личностный”, психологический коррелят, возникающий в реальном процессе общения как производное от его психологической организации, а именно *взаимоотношение*³⁶. Поэтому нам представляется в основном верной, хотя и не вполне точной формула В.Н. Мясищева, согласно которой “взаимоотношение” является внутренней личностной основой взаимодействия, а последнее – реализацией или следствием и выражением первого”³⁷.

Выше, в предыдущем параграфе, мы уже очертили наше понимание предмета психологии общения, тот круг проблем, который относится к компетенции психологической науки. Очевидно, что общение может в принципе рассматриваться и в других аспектах, и прежде всего – в плане социологическом и в плане общефилософском.

³² Щепаньский Я. Элементарные понятия социологии. М., 1969.

³³ Argyle M. The Psychology of Interpersonal Behaviour. L., 1967.

³⁴ Шибутани Т. Социальная психология. М., 1969. С. 126.

³⁵ И, далее, именно через посредство общения деятельность влияет на общественные отношения людей, можно сказать, через ступень взаимоотношений. Ср. положение из “Немецкой идеологии” о “личном поведении индивида”, которое “одно временно существует как независимая от него **созданная общением сила**, превращаясь в общественные отношения” (Маркс К., Энгельс Ф. Собр. сочинений. Т. 3. С. 234.) – Выделено нами. – А.Л.

³⁶ Тарасов Е.Ф. Социальное взаимодействие в речевом общении//Материалы IV Всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. М., 1972. С.10; Бгажников Б.Х. Психолингвистические проблемы речевого общения (личностно и социально ориентированное речевое общение): Дис... канд. психол. наук. М., 1973. С. 9—10.

³⁷ Мясищев В.Н. Основные проблемы и современное состояние психологии отношений человека//Психологическая наука в СССР. М., 1960. Т. 2. С. 115.

Социологический аспект понятия общения предполагает изучение внутренней динамики структуры общества и ее взаимосвязи с процессами общения. В конечном счете любое общение, будь оно социально или личностно ориентированным (см. об этом ниже) – разумеется, если в этом общении актуализируются общественно значимые отношения между людьми, – отражается на социологическом уровне: в этом, с нашей точки зрения, оправдание самого факта существования различных форм человеческого общения. Здесь можно провести известную параллель с функциями общения в животных сообществах, но если в мире животных общение отдельных особей и отдельных сообществ друг с другом имеет односторонне направленный характер и подчинено задачам сохранения и самовоспроизведения вида, то у человека – в силу качественной специфики человеческого общества и связанного с ним способа взаимоотношения с действительностью – общение двусторонне направлено: оно, так сказать, “работает на общество” не только непосредственно, но и – как правило – через то или иное изменение в сознании и в деятельности членов этого общества. Кроме того, человеческая деятельность как деятельность, опосредованная миром орудий и миром “психологических орудий” (Выготский), активна и полифункциональна, и функции общения отнюдь не сводятся в ней к обеспечению чисто биологического выживания человеческого коллектива; следуя многообразию форм деятельности, общение участвует в различных формах активного воздействия человека на природу и тем выступает как целый пучок разнонаправленных факторов социальной жизни человечества.

Мы ни в коей мере не утверждаем, что любой акт общения имеет непосредственный социологический “выход”, прямой смысл для общества, или тем более ведет к изменениям в его социальной структуре. Дело обстоит, конечно, гораздо сложнее. Во-первых, социологически едва ли не более важным, чем изменение в социальной структуре, является поддержание существования и функционирования этой социальной структуры в целом и отдельных составляющих ее социальных групп; это поддержание осуществляется не только за счет стабильности системы коммуникации в данной общности (стабильности общения), как часто представляется социальным психологам, но и за счет стабильности системы личностных по форме существования, общественных по природе отношений или взаимоотношений, реализуемых в общении. Во-вторых, не всякий акт поведения, являющийся по внешности актом общения, является таковым с функциональной точки зрения. (Разумеется, мы не считаем афункциональными акты общения, направленные на установление контакта, т. е. имеющие фатическую функцию, или направленные на уточнение или осознание средств или форм общения.) Более того: подходя к общению с социологической точки зрения, мы, видимо, вправе “выстроить” разные виды общения, выделяемые по другим критериям, в последовательный иерархический ряд в зависимости от меры социологической значимости данного вида, выделив на одном полюсе социологически наиболее нагруженные, а на другом – социологически “пустые” виды общения. В этом смысле мы можем говорить о *типовом общении*, в котором социологическая его ориентация выступила бы наиболее обнаженно; таким типовым общением, бесспорно, является непосредственное межличностное общение в процессах коллективной трудовой деятельности.

Итак, с социологической точки зрения общение может быть понято как способ осуществления внутренней эволюции или поддержания *status quo* социальной структуры общества, социальной группы или отдельной общности – в той мере, в какой эта эволюция вообще предполагает диалектическое взаимодействие личности и общества, невозможное без общения³⁸.

³⁸ Существенно заметить, что это понимают и многие западные философы и социологи, иногда очень далекие от марксизма. Сошлемся хотя бы на одного из вождей “общей семантики” С. Хайакаву (ср.: Hayakawa S.I. Language in Thought and Action. 2. ed. N.Y., 1964. P.14). Ср. идею “координации человеческой активности” как функции межличностного общения в работе: Cushman D.P. The Development of Interpersonal Communication Theory. Mimeo, 1972.

Здесь возникает, однако, вопрос: можно ли говорить об общении как предмете социологии? Иными словами, существует ли социология общения как самостоятельная научная область? Думается, что ее существование следует поставить под сомнение. Возможны два различных подхода к исследованию общения. Мы можем рассматривать процессы общения в их конкретно-исторической специфике, определяемой характером взаимодействия и, в конечном счете, содержанием и особенностями социальной действительности. Тогда для нас важно не то общее, что есть в разных видах общения, а то специфическое в нем, что коренится во взаимодействии. Здесь, конечно, мы никак не обойдемся без социологии; но то в общении, что могло бы явиться предметом социологического рассмотрения, детерминировано взаимодействием. Мы можем, с другой стороны, брать общение именно как нечто специфическое, как то, что обладает относительной независимостью от взаимодействия, образует собственную систему, детерминируется специфическими факторами. И в этом случае едва ли найдется место для социологии общения как самостоятельной области: она “прибавляется” к общению, а не интерпретирует его. Но зато особой отраслью социологии, и при этом отраслью очень важной, является *социология взаимодействия*.

Можно подойти к анализу различных форм общения и с другой стороны, давая ему собственно философскую интерпретацию. Этот аспект понятия общения связан прежде всего с диалектикой развития *общественных отношений* и способов актуализации этих отношений. Чтобы раскрыть это понимание, нам придется обратиться к понятию общения (Verkehr) в работах К. Маркса и Ф. Энгельса, начав с “Немецкой идеологии”³⁹.

Каждое поколение и каждый индивид застает “как нечто данное” определенную “сумму производительных сил, капиталов и социальных форм общения”⁴⁰. Несколькими строками выше та же мысль выражена иначе – говорится о том, что каждая ступень истории “застает в наличии” сумму производительных сил и “исторически создавшееся отношение людей к природе и друг другу” (там же). В какой мере можно отождествлять это отношение и социальные формы общения? Почему о них говорится как о синонимах, по крайней мере частичных?

В этом же месте говорится – опять-таки “через запятую”, как синоним – о передаваемой предшествующим поколением последующему “массе обстоятельств”. Ниже о них идет речь как об “условиях, при которых происходит общение индивидов”: это – “условия, при которых эти определенные, существующие в определенных отношениях индивиды только и могут производить свою материальную жизнь и то, что с ней связано” (3, 72). Но эти условия создаются самими индивидами; пометка Маркса на полях: “производство самой формы общения” (там же).

Итак, при определенных условиях, создаваемых людьми в процессе материального производства и находимых каждым новым поколением и новым индивидом как что-то фиксированное, объективное, – при этих условиях индивиды, находящиеся (“существующие”) в определенных отношениях, вступают в общение. Из этого места “Немецкой идеологии” можно сделать вывод, что для Маркса и Энгельса отношения индивидов и процесс их общения находятся в отношениях виртуального и актуального: общение – это процесс актуализации обще-

³⁹ Комментатор новой публикации первой главы “Немецкой идеологии” Г.А. Багатурия указывает, что производные от термина “общение” отражают “формировавшееся в это время у Маркса и Энгельса понятие производственных отношений” (Вопросы философии. 1965. № 10. С. 106). Это утверждение не следует понимать в том смысле, что понятие общения позже было заменено каким-то другим понятием. Во всяком случае, в “Экономических рукописях 1857–1859 гг.”, как мы увидим ниже, это понятие употребляется очень широко. См. об этом также: Соколов В.М. О природе человеческого общения. Фрунзе, 1973; Щелкин А.Г. К. Маркс о диалектике социального общения// Вопросы философии и социологии. Вып. IV. Л., 1972.

⁴⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Собр. сочинений. 2. изд. Т. 3. С. 37. Далее ссылки на это издание даются в тексте в круглых скобках (3, 37).

ственного отношения, превращение его из виртуальной в реальную форму, в форму “действительного отношения”, осуществляемое при определенных “обстоятельствах” или “условиях”⁴¹.

И далее: “Эти различные условия образуют на протяжении всего исторического развития связный ряд форм общения, связь которых заключается в том, что на место прежней, ставшей оковами, формы общения становится новая, соответствующая более развитым производительным силам, а значит и более прогрессивному виду самодеятельности индивидов, – форма общения, которая, а son tour, превращается в оковы и заменяется другой формой” (3, 72).

Г.А. Багатурия бесспорно прав, когда он соотносит понятие формы общения с понятием производственных отношений. Но понятие производственных отношений более узко, чем понятие общения и формы общения. Общение есть актуализация отношений: форма общения есть *способ актуализации отношений*, носящий общественный характер и исторически развивающийся; отсюда возможность синонимизации “отношения людей к природе и друг к другу” и “социальных форм общения” в *определённом контексте*. Но сами эти отношения необязательно являются производственными. Поэтому переход к новой формулировке есть не просто терминологическое переименование, а уточнение самой мысли Маркса и Энгельса, сужение понятия “формы общения” до понятия “производственных отношений” и одновременно – четкое противопоставление двух аспектов – виртуального и актуального.

В этой связи возникает естественный вопрос: а действительно ли понятие “общение” в “Немецкой идеологии” так широко и расплывчато, как понятие “формы общения” применительно к динамике развития этих форм? Иными словами: пользуются ли Маркс и Энгельс одним глобальным термином “общение”, не дифференцируя этого понятия?

Анализ текста “Немецкой идеологии” показывает, что в нем противопоставляются друг другу, во-первых, “внутреннее” и “внешнее” общение (3, 20). Это – общение внутри данного коллектива (конкретно – нации) и между различными коллективами, в частности, нациями, т. е. то, что мы называем внутригрупповым и межгрупповым общением.

Во-вторых, противопоставлены друг другу “материальное” и “духовное” общение. Это противопоставление содержится в широко известном месте: “Производство идей, представлений, сознания первоначально непосредственно вплетено в материальную деятельность и в *материальное общение* людей, в язык реальной жизни. Образование представлений, мышление, *духовное общение* людей являются здесь еще непосредственным порождением материального отношения людей” (3, 24). Таким образом, Маркс и Энгельс очень ясно говорят здесь о том, что возможно “материальное общение”, пользующееся как средством “языком реальной жизни”, а не специально выработанными средствами общения⁴².

В-третьих, вводится понятие “универсального” и “мирового” общения (3, 33–34). Оно, однако, развивается гораздо ниже, где универсальное общение противопоставлено “ограниченному”. Что стоит за этими терминами? “Всякое общение до сих пор было только общением индивидов при определенных условиях, а не индивидов как “индивидов” (3, 66). Этим условий два: частная собственность и труд. В чем важность этого тезиса? В том, что за ним стоит идея *социальной природы* общения. Ведь производительные силы “становятся действительными силами лишь в общении и во взаимной связи этих индивидов” (3, 67). Люди вынуждены общаться, чтобы производить, а производить они вынуждены, чтобы “обеспечить свое суще-

⁴¹ Насколько нам известно, эта мысль впервые в советской философской литературе была подчеркнута В.М. Соколовым (Соколов В.М. Общение и его средства//Сознание и общение. Фрунзе, 1968. С.10). Позже она высказывалась и психологами, в частности В.Н. Мясичевым и В.А. Артемовым. См. также указ. выше работу А.Г. Щелкина.

⁴² Эта мысль Маркса и Энгельса о развитии специфических средств общения из неспецифических, о том, что средства общения генетически восходят к средствам и орудиям материальной деятельности людей, находит дополнительное обоснование в практике активного формирования сознания и деятельности слепоглухонемых детей врачами-тифлосурдопедагогами. Общение со слепоглухонемыми начинается именно с материального общения, с языка реальной жизни, и лишь далее обретает специфические коммуникативные средства, свой собственный язык. См.: Мецержков А.И. Слепоглухонемые дети: Автореф. дис... д-ра. психол. наук. М., 1971.

ствование” (там же). Ограниченное общение сковывает “самодетельность” индивидов; отсюда необходимость универсального общения, “превращение прежнего вынужденного общения в такое общение, в котором участвуют индивиды как таковые” (3, 69). Но куда такое положение не достигнуто, общение есть способ “уравновешивания” в процессе производства того факта, что “индивиды совершенно подчинены разделению труда и поэтому поставлены в полнейшую зависимость друг от друга” (3, 66). Это – путь к временному объединению разделенных индивидов в процессе производства. Таким образом, субъектом общения в строгом смысле является не изолированный индивид, а социум, общество, общественный коллектив или общность. Да и само общение подчинено отнюдь не абстрактной потребности общения; оно социально детерминировано со стороны содержания общения.

Наконец, различаются “прямое” и “косвенное” общение (3, 440).

Значительно ниже, в главе “Лейпцигский собор”, Маркс и Энгельс обращаются к рассмотрению еще одной стороны проблемы общения, имеющей для нас исключительную важность – а именно, к соотношению личности и общества. Здесь отмечается, во-первых, что “личное поведение индивида неизбежно претерпевает овеществление, отчуждение, и одновременно существует как независимая от него, созданная общением сила, превращаясь в общественные отношения” (3, 324). Здесь взаимоотношение всех трех категорий ясно видно: общение превращает “личное поведение” в общественный факт; а общественное отношение есть то, что через посредство общения превращается в один из аспектов личности, одну из “сторон личного развития индивидов”, как говорится страницей ниже по несколько иному поводу.

Крайне важен тезис Маркса и Энгельса, что “материальная жизнь индивидов..., их способ производства и форма общения взаимно обуславливают друг друга” (3, 322). Эта мысль развивается ими дальше следующим образом: “Индивиды... вступали в общение между собой... как индивиды, находящиеся на определенной ступени развития своих производительных сил и потребностей, и так как это общение, в свою очередь, определяет производство и потребность, то именно личное, индивидуальное отношение индивидов друг к другу, их взаимное отношение в качестве индивидов создают и повседневно воссоздают существующие отношения. Они вступают в общение друг с другом в качестве того, чем они были...” (3, 439–440). Здесь опять-таки общение рассматривается двояко: как процесс и как условие (способ) актуализации отношений.

Таким образом, главным выводом из рассмотрения “Немецкой идеологии” в плане развиваемой ее авторами теории общения являются три основных тезиса:

а) иерархия форм общения; возможность выделения разновидностей общения по различным критериям, историческое развитие форм общения, например от материального к духовному;

б) понимание общения как процесса превращения общественного отношения из виртуальной в реальную, “действительную” форму, осуществляемого при определенных обстоятельствах;

в) в этой связи двоякая трактовка общения: как процесса (процесса актуализации) и как условия (способа актуализации).

Если придерживаться изложенной здесь концепции, то любая общественная деятельность человека является в известном смысле общением. Эта идея “тождества общения и активности”⁴³ есть одно из важнейших положений марксизма. Ведь “общественных отношений нет вне деятельности. Они реализуются в самой деятельности и развиваются только в процессе общественно-исторической практики”⁴⁴. Поэтому понятие общения должно быть для наших

⁴³ Батищев Г.С. Деятельностная сущность человека как философский принцип//Проблема человека в современной философии. М., 1969. С. 95. Впрочем, здесь правильнее было бы говорить о “единстве”, а не о “тождестве”.

⁴⁴ Лармин О.В. О структуре общественных отношений// Очерки методологии познания социальных явлений. М., 1970.

целей сужено. И прежде всего, по-видимому, целесообразно разделить понятие материального общения и духовного общения. В первом случае мы имеем дело с реализацией отношений – в том числе, по-видимому, и идеологических отношений – в процессе трудовой, продуктивной деятельности. Здесь “духовное общение” людей, – если оно присутствует, – является “еще непосредственным порождением их материальных действий”⁴⁵. Во втором случае мы сталкиваемся с иными, не непосредственно производственными формами реализации отношений; но эта реализация не обязательно предполагает адекватную этим отношениям деятельность. Скажем, первобытная магия может отражать – и, судя по этнографическим данным, действительно отражает – не только религиозные отношения, но гораздо более сложный комплекс общественных отношений; в частности нравственные, эстетические и т. д. Поэтому совершенно неправомерно при анализе первобытных форм общественной деятельности человека (или, если угодно, общественных форм деятельности первобытного человека) отождествлять генезис форм деятельности с генезисом тех или иных отношений, реализуемых в этой деятельности, в этих формах общения, как это нередко делается.

Дальнейшим этапом развития общения будет появление способов общения, адекватных тому или иному виду отношений. Здесь необходимо иметь в виду, однако, два момента. Во-первых, не следует искать специализированного способа общения для *любого* вида отношений. Так, речевое общение (о нем далее) адекватно большинству разновидностей идеологических отношений и полностью – духовным отношениям. Во-вторых, необходимо разграничивать факт существования *психологически* специализированной деятельности общения (и различных ее разновидностей), с одной стороны, и факт существования *семиотически* специализированных систем средств общения, опосредующих деятельность общения (см. об этом ниже). Психологическая специализация не обязательно предполагает семиотическую: так, Я. Яноушек указывает, что общение (в его развитых формах) может быть опосредованно тремя способами: языком или другими языковыми системами, “элементами социальной структуры – ролями, нормами и др., отношением цели и средств”⁴⁶.

Чтобы более основательно разобраться в различных видах опосредования деятельности общения, целесообразно продолжить анализ работ К. Маркса и Ф. Энгельса и прежде всего остановиться на так называемых “Экономических рукописях” Маркса, относящихся к 1857–1859 годам и лишь сравнительно недавно ставших в полном виде достоянием широкого читателя (в томе 46, части 1 и 2, второго издания собрания сочинений Маркса и Энгельса).

Первое существенное положение, с которым мы сталкиваемся в этом произведении Маркса, – это идея “обмена деятельностей и способностей”, “совершающегося в самом производстве”, который “составляет его существенную сторону” (46, 1, 35). Здесь мы находим прямое указание на характер той роли, которую может играть общение в производстве. Что такое описываемый Марксом “обмен”? Это участие индивидуальной деятельности и соответствующей ей индивидуальной способности в коллективном трудовом процессе. Но такое участие заведомо предполагает такое целеполагание в индивидуальной деятельности, которое определяется отношением общей цели коллективного производства, с одной стороны, и тех средств, которыми располагает каждый производитель для достижения этой цели – с другой стороны. Именно такого рода материальное, производственное общение можно трактовать вслед за Яноушкой как опосредованное отношением цели и средств деятельности.

Развивая далее цитированную мысль Маркса, следует обратить внимание на то, что это материальное общение обеспечивает оптимальный характер производства, ибо приводит к наиболее выгодному соотношению цели и средств коллективной производственной деятель-

⁴⁵ Новая публикация первой главы “Немецкой идеологии” К.Маркса и Ф.Энгельса//Вопросы философии. 1965. № 10. С. 87 (далее обозначается в тексте следующим образом: ВФ. № 10. С...).

⁴⁶ Janoušek J. Sociální komunikace. Praha., 1968. С. 158.

ности. Но эта же функция продолжает существовать и в том случае, когда мы имеем дело со специализированной деятельностью общения, опосредуемой языком или другими знаковыми системами. Вообще всякая деятельность общения в типовом случае направлена на обеспечение единства целей и средств любой иной продуктивной деятельности, носящей общественный характер, и таким образом как бы обслуживает эту последнюю, выступая как средство конституирования и оптимизации этой деятельности. “Общение является условием всех других видов деятельности”⁴⁷.

Однако эта общая функция общения в производственной деятельности может быть рассмотрена и более детально применительно к тем модификациям, которые она получает на различных стадиях трудового процесса и при различных условиях. Эти модификации освещены на большом эмпирическом материале в монографии румынского психолога Т. Слама-Казаку “Общение в процессе труда”⁴⁸.

Возвращаясь к экономическим рукописям Маркса, отметим одно очень важное место, где содержится эксплицитное противоположение “производственных отношений” и отношений общения. Далее упоминаются “формы государства и формы сознания в их отношении к отношениям производства и общения” (46, I, 46). К сожалению, обе этих формулировки входят в заглавие ненаписанного раздела “Рукописей”, и они не получили в тексте какого бы то ни было раскрытия. Правда, имеется “*nota bene*” насчет тех пунктов, которые не должны быть забыты; здесь упоминаются “вторичные” и “третичные”, вообще производные, перенесенные, непервичные производственные отношения” и отмечается “неодинаковое отношение развития материального производства к развитию, например, искусства” (там же). Из этих вскользь брошенных мыслей можно заключить, что “отношения общения” Маркс рассматривает как “перенесенные” производственные отношения; такое понимание хорошо согласуется с другими аспектами марксистской теории общества. Ср. на той же странице: “Война раньше достигла развитых форм, чем мир; способ, каким на войне и в армиях и т. д. такие экономические отношения, как наемный труд, применение машин и т. д., развились раньше, чем внутри гражданского общества. Также и отношение между производительными силами и отношениями общения особенно наглядно в армии”. С другой стороны, важно отметить, что здесь находит подтверждение отмеченная нами выше при анализе “Немецкой идеологии” двойная трактовка общения как процесса и как способа актуализации общественных отношений: “формы государства” здесь соответствуют формам общения” в “Немецкой идеологии”. Наконец, подчеркнем еще раз, что понятие общения и отношений общения не заменяется в “Экономических рукописях” понятием производственных отношений, а *существует* с ними и *противопоставляется* им.

Те положения, касающиеся общения, которые мы находим в “Экономических рукописях 1857–1859 гг.”, развиваются Марксом далее в первом томе “Капитала” (1867).

Здесь для нас представляет специальный интерес прежде всего понятие “общественного контакта”. Понятие общественного контакта (*der gesellschaftliche Kontakt*), подчинено понятию общения⁴⁹ (ибо общение может быть и не непосредственным; контакт есть условие общения, но не само общение) и понятию “общественного характера труда”. А это последнее понятие в “Капитале” соотнесено с “общественным отношением производителей к совокупному труду”: “... Тайнственность товарной формы состоит просто в том, что она является зеркалом, которое отражает людям общественный характер их собственного труда как вещный характер самих продуктов труда, как общественные свойства данных вещей, присущие им от природы;

⁴⁷ Анцыферова Л.И. Принцип связи психики и деятельности и методология психологии//Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1969. С.109. Ср. также: Гибби Г.,Форверг М. Введение в марксистскую социальную психологию. М., 1972. С. 134.

⁴⁸ Slama-Cazacu T. Comunicarea on procesul muncii. Bucureşti. 1964.

⁴⁹ Janoušek J. Указ. соч. С. 14–15.

поэтому и общественное отношение производителей к совокупному труду представляется им находящимся вне их общественным отношением вещей” (23, 82). Для нас понятие общественного контакта представляет интерес прежде всего потому, что оно – в развитие того, что мы только что видели в тексте “Экономических рукописей” – как бы образует третью вершину треугольника, первой вершиной которого является экономический уклад общества, а второй – “форма общества” (“форма общения” в “Немецкой идеологии”). Понятие “общественного” в “Капитале” как бы раздвоено: с одной стороны, мы имеем дело с историческим развитием форм общества, с социальностью идеологических *отношений* (“вторичные”, перенесенные производственные отношения!). С другой, мы сталкиваемся с обладающими относительной независимостью от экономического базиса внешними разновидностями общения, т. е. с социальностью *реализации* вторичных отношений, с “отношениями общения” как “третичными” перенесенными производственными отношениями. Способ общения, конкретная реализация этого общения, таким образом, зависит от трех факторов, в свою очередь обуславливающих друг друга. Это социально-экономический уклад общества, развитие производительных сил и производственных (вообще материальных) отношений; это, далее, уровень развития идеологических отношений, отраженный в развитии форм общества (особенно государства); это, наконец, типология тех конкретных разновидностей, которые приобретает общение в зависимости от различных условий (в том числе и образуемых предыдущими двумя факторами), в которых оно происходит. Так, общественный контакт в капиталистическом обществе есть следствие появления кооперированных форм труда, а их необходимость, в свою очередь, обусловлена динамикой развития средств производства.

Сама связь конкретного способа реализации общения с обуславливающими этот способ факторами может быть более или менее жесткой в различных исторических условиях, при различных укладах и различных формах общества. Так, разные виды материального общения стоят в непосредственной зависимости от развития общества, в то время как разновидности духовного общения, те упомянутые нами социальные и социально-психологические модификации рассмотренной выше основной функции общения, которые приобретает деятельность общения в развитом обществе, имеют относительно независимый характер.

Завершая анализ философской стороны понятия общения, нам представляется особенно важным указать на то, что последовательный подход к интерпретации общения есть подход с точки зрения правильно (не слишком узко) понимаемого *историзма*. Такой подход, к сожалению, слишком часто подменяется даже в психологии (не говоря уже о таких областях, как лингвистика или семиотика) односторонне-синхронным, по существу феноменологическим анализом и формальной, а нередко даже осуществляемой *ad hoc* классификацией изучаемых явлений. “Это понимание истории заключается в том, чтобы, исходя именно из материального производства непосредственной жизни, рассмотреть действительный процесс производства и понять связанную с данным способом производства и порожденную им форму общения...” (ВФ. № 10. С. 100).

Возвращаясь к собственно психологической проблематике, напомним, что в нашем представлении историческое развитие форм общения характеризуется опосредованностью двух видов: семиотической и психологической. На семиотической опосредованности общения мы остановимся в дальнейшем. Сейчас попытаемся по возможности более точно определить, что мы вкладываем в понятие психологической опосредованности общения.

Первый и основной наш тезис заключается в том, что историческое развитие форм общения идет от общения, включенного в какую-то иную деятельность, к общению как деятельности, к деятельности общения⁵⁰. Следовательно, необходимо если не определить понятие дея-

⁵⁰ Конечно, это не означает, что в своем современном виде общение исключает исторически более ранние формы общения (например, материальное общение).

тельности вообще, то по крайней мере обсудить правомерность приложения этого понятия к речи и вообще общению.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.